Яновский О.А., Назаренко А. М. «Дело» наркомюста и прокурора республики в контексте политических процессов 1920 - 1930-х гг. и становление советского вышего образования / О.А. Яновский, А.М. Назаренко // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 159-179.

К 90-летию
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

О. А. Яновский, А. М. Назаренко

М. А. СЕГАЛЬ: «ДЕЛО» НАРКОМЮСТА И ПРОКУРОРА РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ 1920—1930-х гг. И СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современной исторической науке на постсоветском пространстве очевидно заявляет о себе прогрессирующее исследовательское направление, которое давно известно: историко-биографический жанр, как отмечается, «неизменно пользовался успехом как среди историков-профессионалов, <...> так и у широкой читающей публики [1, с. 5]. В несколько ином плане, с акцентированием именно на научную составляющую подобных текстов это направление сегодня подается то как «история через личность», то и вовсе как «интеллектуальная история». В России с 1998 г. даже действует Общество интеллектуальной истории, которое считают наиболее активно развивающимся: оно имеет около 40 региональных отделений, свой интернет-сайт и журнал [2, с. 75, 79]. Важно, что стремление к персонификации «глобальных и эпохальных» процессов общественного развития позволяет через современников воспринять «личностный облик исторической реальности» [3, с. 66].

Подобная преамбула необходима, чтобы попытаться прояснить авторский замысел. Мы убеждены, что весьма продуктивно углубить и уточнить наши знания об общественных и политических процессах 1920—1930-х гг. посредством изучения удивительных взлетов и падений в судьбах известных, малоизвестных и совсем выпавших из «летописных свидетельств советской эпохи» людей. Обращение к этим судьбам происходит по-разному. Одни, подобно жизненному пути первого ректора первого белорусского университета В. И. Пичеты, априори заставляют скрупулезно собирать малейшие свидетельства о знаковом для Беларуси интеллектуале. Другие — историки-россиеведы А. А. Савич и Д. А. Жаринов — привлекают неординарностью и несхожестью своих попыток «вживания» в марксистскую парадигму профессиональной деятельности. Третьи просто внезапно возникают из небытия, чтобы поразить нас уникальностью прожитой жизни «на фоне развертывания социалистического строительства». Так и случилось, когда в феврале 2012 г. по просьбе Генеральной прокуратуры Республики Беларусь перед авторами была поставлена задача хоть что-то добавить к скудным сведениям о третьем по счету прокуроре БССР и одновременно народном комиссаре юстиции БССР Моисее Абрамовиче Сегале. Его государственная деятельность в формирующейся советской республике пришлась на бурные и противоречивые 1925—1928 гг.

М. А. Сегаль, занимая высокие посты, одновременно стал непосредственным участником становления нового для БГУ факультета — права и хозяйства. Уже в год его создания (август 1925 г.) нарком и прокурор наряду с отдельными коллегами по правительству БССР

Яновский Олег Антонович — заведующий кафедрой истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, профессор; **Назаренко Артем Михайлович** — преподаватель кафедры источниковедения Белорусского государственного университета

был утвержден в качестве члена совета нового факультета [4, с. 12]. Затем он в некоторых, весьма немногочисленных, источниках упоминается в качестве доцента и даже заместителя декана этого факультета. Неким феноменом первых лет деятельности первого белорусского университета было то, что к его организации прилагали «руку» многие высокопоставленные партийные и правительственные руководители ССРБ — БССР. Без непосредственного организационного, материально-технического и в особенности финансового сопровождения «сверху» университет не мог бы состояться. Многие же и непосредственно участвовали в работе факультетов, были членами советов как БГУ, так и его отдельных факультетов, входили в состав предметных комиссий и деканатов, читали лекционные курсы и занимались научной работой. Еще только предстоит обратиться к проблеме «Университет и власть» через конкретику жизненных, должностных и творческих коллизий тех, кто имел непосредственное отношение к созданию Белорусского университета, наполнению его стен смысловыми парадигмами, выработанными за столетия функционирования университета как такового, и одновременно — пафосом построения конструкций нового общества.

Так или иначе, но «белорусский этап» удивительно насыщенной событиями биографии нашего «героя» стал для авторов публикации предметом особого изучения. В результате была подготовлена отдельная статья. В данном случае «дело» наркомюста и прокурора БССР продолжено на основе достаточно уникальных документов и малоизвестных сведений. Собирая по крупицам данные о том, как удавалось Моисею Абрамовичу совмещать свои высокие государственные должности с работой доцентом и заместителем декана факультета права и хозяйства, мы оказались перед вопросом о его дальнейшей судьбе после оставления Минска в июне 1928 г. Ведь было известно, что он стал ректором знаменитого Казанского университета!

И это продолжение получилось. Однако вначале, чтобы были более понятными перипетии судьбы Сегаля после оставления им Минска, все-таки вкратце очертим важнейшие вехи «белорусского этапа» биографии Моисея Абрамовича. Пришлось чуть ли не по мельчайшим деталям, разрозненным фактам собирать информацию, метафорически выражаясь, по «делу прокурора». И она, как оказалось, таила много интересного и занимательного, была напрямую связана с протеканием тогдашних политических процессов. Но она наполнилась не только достоверными, подкрепленными источниками сведениями. В ряде случаев, когда информация только лишь приоткрывала некоторые обстоятельства жизненного пути этого человека, без гипотез и предположений, версий и догадок было не обойтись. К тому же постоянно возникало стремление обозначить некоторые параллели в судьбе нашего «героя» — как личностного плана, так и общественно-политического. Одно то, что биография М. А. Сегаля весьма непрозрачна уже по «добелорусскому ее периоду, что она даже для искушенных в изысканиях по истории своего университета казанских коллег обрывалась 1931 г., позволяет в ряде случаев рассуждать гипотетически. И только благодаря творческим контактам с московскими коллегами стало возможным отыскать сведения о еще почти десяти годах жизни и по-прежнему активной деятельности Моисея Абрамовича. Оказанная помощь со стороны доктора исторических наук профессора Московского государственного университета управления Эльвиры Борисовны Ершовой и ее креативных молодых коллег (прежде всего Александра Левашова) позволила ознакомиться с документами Российского архива политической истории и архивохранилища № 1 этого архива (оно находится в Йошкар-Оле). Там были найдены ценные свидетельства в продолжение нашего уже как бы завершившегося повествования. Одновременно упрочилось убеждение в возможности отыскать более точные и пространные свидетельства удивительных жизненных пертурбаций советского интеллектуала, занимавшегося, казалось бы, совершенно взаимоисключающими сферами деятельности. Нам приятно осознавать, что удалось-таки воссоздать ранее неизвестные годы очень насыщенной и продуктивной деятельности белорусского наркомюста и прокурора (конечно, уже бывшего) на ниве советского высшего образования. А тем более — в проблематике его

(образования) становления в советских национальных регионах. «Старт», взятый М. А. Сегалем в БССР, приобщение к белорусской составляющей советской высшей школы затем им были использованы в советском Татарстане, далее — в советском же Узбекистане, а «финиш» пришелся на очень разные по своему предназначению московские институты.

Итак, открываем первые страницы «дела». После некоторых сомнений, возникших при изучении первичной информации [5; 6], стало наконец-то понятным, что местом рождения будущего белорусского высокопоставленного юриста был литовский г. Шауляй, который на 1891 г. (именно в этом году и родился в семье служащего и массажистки сын Моисей) являлся заштатным в масштабах Российской империи местечком Шаули. И, конечно же, естественным было обращение к изучению неординарности образования Моисея Абрамовича: оно было получено как в дореволюционное время, так и в сложные годы Гражданской войны. Оказалось, что способный юноша, воспитывавшийся лишь матерью после ее развода с отцом, сумел сначала с отличием окончить Рижское коммерческое училище и два года проучиться в частном Киевском коммерческом институте, а затем пройти полный курс Юрьевского ветеринарного института (в 1916 г. он стал дипломированным ветеринаром, получив диплом с отличием). Уже вступив в большевистскую партию и работая ветврачом в Петрограде, он умудрялся совмещать свою специфическую работу с учебой на юридическом факультете столичного университета. Потом были фронты Гражданской войны и продолжение учебы на правовом отделении факультета общественных наук Саратовского университета и университета Ростова-на-Дону. На берегах Дона ему и был вручен в 1920 г. диплом советского юриста. Однако Моисей Абрамович решил по максимуму «выжать» из устанавливавшейся системы советского высшего образования подтверждение разнообразия своего дореволюционного незавершенного обучения. Поэтому он завершил «штудии» по коммерческой части путем сдачи экстерном всех испытаний за полный курс экономического факультета Тифлисского политехнического института [7].

Не менее пестрыми и извилистыми были первые трудовые и боевые маршруты Моисея Абрамовича. Его называют одним «из немногих довоенных наркомов юстиции БССР, который имел юридическое образование» [8, с. 17]. Между тем он с 1916 г. в качестве ветврача стал участником Первой мировой войны, в марте 1917 г. был избран председателем полкового комитета и затем являлся зам. председателя Совета солдатских и крестьянских депутатов одного из районов. В марте 1918 г. добровольцем вступил в ряды Красной Армии и связал свою судьбу с партией большевиков [9, с. 245—246; 10 л. 77; 7]. Указание на то, что «после революции 1917 г.» Сегаль был заместителем председателя военного трибунала Кавказского фронта и Кавказской армии [5; 11, с. 17], трудно оспаривать. Свой боевой путь он подробно изложил в автобиографии уже в конце 1930-х гг. [7]. Документы свидетельствуют, что в 1918—1922 гг. М. А. Сегаль служил в качестве ветврача «Петроградского разгрузочного обоза», потом — штаба Красной Армии Петроградского района, в военно-ветеринарном управлении, был зам. начальника ветеринарной части Южного фронта, политкомиссаром ветеринарной части этого фронта, помощником начальника ветчасти и военкомом ветеринарной части Юго-Восточного фронта. Наконец, с ноября 1920 г. он, воспользовавшись только-только полученным в

университете Ростова-на-Дону дипломом юриста, вошел в состав Реввоентрибунала Кавказского фронта и даже стал заместителем председателя трибунала. Затем до 1922 г. новоиспеченный военный юрист работал в Тифлисе зам. председателя Реввоентрибунала отдельной Кавказской армии [7]. Такой поворот в судьбе, возможно, следует связывать с серьезным «кадровым голодом» на юристов-профессионалов в молодом советском государстве.

Для отслеживания дальнейшего служебного продвижения будущего белорусского прокурора обратимся к некоторым страницам истории советской прокуратуры. Так, 22 мая 1922 г. третий съезд ВЦИК принял «Положение о прокурорском надзоре», в соответствии с которым в СССР фактически заново стала создаваться эта юридическая система [11]. В контексте нашего повествования важно то, что прокурорские полномочия были распространены и на войска, для чего учреждалась военная прокуратура. В соответствии со статьей 17 «Положения» «Военная Прокуратура состояла при Военных и Военно-Транспортных Революционных Трибуналах и осуществляла права Прокуроров в отношении учреждений и должностных лиц военного ведомства, железно-дорожного и водного транспорта в тех местах, где нет общей Прокуратуры или где военные и транспортные учреждения и должностные лица соответствующих ведомств изъяты из ведения Губернского Прокурора» [11]. Наркомюст РСФСР 10 ноября 1922 г. издал циркуляр № 125 «О принятии к руководству Инструкции военным прокурорам и их помощникам», призванный комплексно урегулировать статус и порядок осуществления полномочий военными прокурорами. Однако еще 25 сентября 1922 г. приказом № 1170 командующего Московским военным округом «первый военный прокурор Сегаль Моисей Абрамович в составе еще 3 прокуроров» был размещен по адресу Москва, Новый Арбат, 37, по соседству с Реввоентрибуналом Московского военного округа.

Несколько слов о любопытной и даже символичной истории этого московского адреса. Дом, после пожара 1812 г. отделанный в ампирном стиле, являлся памятником архитектуры XVIII—XIX вв. Тут в 1799 г. родился известный мемуарист Д. Н. Свербеев, у него бывал А. С. Пушкин. Во второй половине 1820-х и начале 1830-х гг. дом принадлежал гр. В. А. Бобринскому, состоявшему под секретным надзором полиции за причастность к деятельности декабристов. Затем домом владели знакомые Пушкина — знаменитая артистка Е. С. Семенова, К. А. Нарышкин (дядя писателя В. А. Соллогуба). В конце 1840-х гг. здание перешло к военному ведомству, и там был размещен военный суд. С 1921 г. в доме находился Революционный военный трибунал Московского военного округа, а ныне его занимает Московский окружной военный суд (МОВС) [12].

В начале 1920-х гг. сотрудники Реввоентрибунала МВО испытывали на себе общие тяжелейшие условия жизни страны. Так, первый его председатель К. И. Эльтман отмечал, что сотрудник военного трибунала «вынужден в силу внешних экономических обстоятельств, к устранению коих не принимается никаких мер, снимать с себя самое необходимое и продавать на рынке» (впрочем, вскоре после высказывания подобных претензий Эльтман был освобожден от занимаемой должности) [13]. Поистине булгаковская история вскоре случилась с новыми хозяевами старинных московских особняков. Для размещения московского отдела Реввоентрибунала МВО в доме по ул. Никольской, 6 — «бывший дом профессора Сафронова» — трибунальцам пришлось «уплотнить» семью бывшего хозяина — профессора. Однако юристы не учли, что профессор имел охранную грамоту. Выражая свое недовольство очевидным беспределом советских юристов, тот подал жалобу... в сам же Реввоентрибунал. Как ни странно, но после проведенного служебного расследования часть жилых помещений пришлось возвратить владельцу [13].

Однако продолжим характеристику во всех отношениях значимого служебного положения, так неожиданно (для нас, конечно) занятого Моисеем Абрамовичем. В соответствии с уже упоминавшимися Положением и Циркуляром во главе прокуратуры в качестве прокуро-

ра Республики стоял Народный Комиссар Юстиции, в непосредственном ведении которого находился Отдел Прокуратуры Наркомюста (мы умышленно оставляем заглавные буквы тогдашнего правописания этих важных инстанций). При Прокуроре Республики состояли его помощники, на одного из которых возлагались прокурорские обязанности при Верховном Трибунале Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Помощники Прокурора Республики утверждались Президиумом ВЦИК по представлению Прокурора Республики. При Реввоентрибуналах и Военно-Транспортных ревтрибуналах состояли Военные Прокуроры, непосредственно подчиненные названному выше Помощнику Прокурора Республики при Реввоентрибунале ВЦИК. Военные Прокуроры назначались, увольнялись и перемещались Прокурором Республики [11; 14].

Осенью 1922 г. были сформированы восемь прокуратур военных округов. Руководителем одной из них и стал 30-летний то ли ветврач, то ли экономист-коммерсант, то ли все же юрист. В некоторой мере сомнения о профессиональной подготовке М. А. Сегаля способно развеять замечание, сделанное членом Московского отдела Реввоентрибунала МВО Б. И. Собаковским в письме к Председателю РВТР. Сетуя на тяжкий труд и прося перевести на прежнюю работу в железнодорожное депо, автор не без юмора охарактеризовал свои «профессиональные навыки»: «на безрыбье и он был раком, а теперь наступило время профессионалов...» [13]. Возможно, юридическая составляющая образованности Моисея Абрамовича как раз и позволила безболезненно влиться в когорту первых юристов-профессионалов. Уже в 1923—1924 гг. он становится военным прокурором Верховного суда РСФСР, в 1924 г. — прокурором при Наркомюсте РСФСР [6; 9, с. 245—246]. Если в целом посмотреть на работу советских госаппаратовских структур, то перманентные кадровые ротации в них были почти абсолютным правилом. Так, в начале 1928 г. наркомюст и прокурор РСФСР Д. И. Курский был освобожден и направлен всего лишь послом в Италию. Его место занял Н. А. Янсон, до этого бывший зам. наркома РКИ СССР [15].

В эти годы М. А. Сегаль, являясь сотрудником сравнительно компактного корпуса профессионалов, становится коллегой небезызвестного А. Я. Вышинского. Вышинский, успевший в 1917 г. поучаствовать по поручению Временного правительства в принятии мер по розыску и аресту Ленина, в 1921—1923 гг. поработать зав. отделом учета и начальником управления распределения Наркомата продовольствия РСФСР, вскоре после избрания главой столичной адвокатуры благодаря своей «феноменальной работоспособности» стал прокурором в созданном Верховном суде РСФСР. Кроме этого он в 1921—1922 гг. являлся еще и деканом экономического факультета Московского института народного хозяйства им. К. Маркса, как профессор преподавал в Московском госуниверситете. А в 1923—1925 гг. Вышинский — прокурор уголовно-следственной коллегии Верховного суда СССР [16; 17, с. 31].

Рискнем предположить, что знакомство Моисея Абрамовича с человеком из ближнего окружения Сталина, сложившееся на профессиональной почве в «первый московский период», знакомство двух дипломированных юристов (Вышинский окончил юрфак Университета святого Владимира в Киеве), знакомство будущих ректоров крупнейших университетов страны окажет впоследствии немалое влияние как на карьеру, так и на судьбу М. А. Сегаля. Возможно, что именно по рекомендации Вышинского Сегаль оказался в Минске. Забегая вперед, отметим вполне достоверный факт из его биографии. В 1928 г. Вышинский стал членом коллегии Наркомпроса и руководителем Главпрофобра. И именно в 1928 г. уже бывший наркомюст и прокурор БССР Моисей Сегаль получил неожиданное назначение на должность декана не существовавшего еще факультета советского права Казанского госуниверситета. Это, конечно, можно назвать простым совпадением. Но в дальнейшем эти совпадения почему-то множились, позволяя Моисею Абрамовичу буквально колесить по Стране Советов и безболезненно преодолевать опасности, нараставшие вместе с «развертыванием социалистического строительства по всему фронту».

Чтобы быть последовательными в изложении событий, есть необходимость вкратце изложить сопричастность М. А. Сегаля со становлением юридического образования в Беларуси, хотя этот сюжет стал основой для отдельной публикации авторов.

Юристов в БГУ готовили чуть ли не с первых дней его деятельности — на факультете общественных наук (ФОН): на заседании Совета университета 10 декабря 1922 г. во время отчета о проделанной за год работе заместитель декана ФОНа С. Я. Вольфсон подчеркнул тот факт, что факультет «в соответствии с преследуемыми им задачами разделен на два отделения: экономическое и правовое» [18, л. 19]. С первых лет работы БГУ наркомат юстиции уделял значительное внимание университетским проблемам, так как был заинтересован в налаживании качественной подготовки юристов с высшим образованием. С 1922 г. к этому подключалась и новосозданная прокуратура республики.

Например, 18 марта 1923 г. первый белорусский советский нарком юстиции и прокурор, а одновременно тогда еще и председатель президиума Мингорисполкома (занимал этот пост всего лишь каких-то три месяца) Адольф Христофорович Гетнер выступил на Совете БГУ. Он обратил внимание университетского руководства на слабое взаимодействие ФОНа («столь интересующего его как наркома юстиции Белоруссии») с наркоматом и предложил «приспособить» правовое отделение факультета к «практическим заданиям, которые преследует НКЮ». Также нарком призвал ускорить подготовку специалистов-правоведов и быстрее осуществить выпуск этого отделения «в целях удовлетворения потребностей НКЮ в квалифицированных работниках НКЮ». В ответной речи ректор В. И. Пичета предложил ввести А. Х. Гетнера в состав деканата ФОНа. Совет одобрил данное предложение своим единогласным голосованием [18, л. 30—31]. Уже 26 сентября 1923 г. В. И. Пичета на очередном заседании Совета БГУ отметил, что тесное общение с наркомом Гетнером способствовало «сближению факультета общественных наук с Народным комиссариатом юстиции Белоруссии», «укреплению и развитию факультета» [19, с. 124, 126; 18, л. 56].

Поэтому новый нарком юстиции и прокурор БССР М. А. Сегаль лишь продолжило утвердившиеся ранее традиции подобного «кураторства» и взял под свою опеку новый факультет, созданный на базе ФОНа, — факультет права и хозяйства. Естественным было его избрание в июне 1926 г. на очередных перевыборах деканата «сябрам деканата» правхоза. Его имя прописано в связи с историей БГУ, когда в 1926 г. вся республика торжественно отмечала 5-летний юбилей университета: среди приветствий в адрес университета от высших должностных лиц республики на торжественном заседании 5 декабря в 1-м Белорусском театре прозвучали и поздравительные слова «камісара Юстыцыі Сэгаля» [20, с. 208]. Потом документы называют Моисея Абрамовича в числе присутствовавших на заседании деканата правхоза 19 декабря того же 1926 г., когда ректор потребовал ускорить переход на преподавание всех курсов на белорусском языке [4, с. 13]. В октябре 1927 г. на новых перевыборах Сегаля опять избрали, но на этот раз уже в качестве заместителя декана факультета [21, с. 32].

В Национальном архиве среди более чем 7,5 тыс. личных дел преподавателей, сотрудников и студентов БГУ, собранных в специальной 3-й описи 205-го университетского фонда, под номером 7434 хранится и личное дело «доцэнта па катэдры судабудаўніцтва і нам. Дэкана Ф-ту Права і Гаспадаркі Сегаль Майсей Абрамавіч» (таково название, выписанное еще в далеких 1930-х гг. на обложке тонюсенькой картонной папки). Оно содержит всего лишь 6 небольших листов, в которых отмечен короткий срок пребывания Моисея Абрамовича в штате университета: с 15 сентября 1927 г. по 1 июня 1928 г. Эти лапидарные сведения из личного дела подтверждаются и дополняются архивными документами, отразившими деятельность Правления БГУ. В том же 205-м фонде Национального архива (опись 1) под 18 мая 1927 г. зафиксировано утверждение Правлением решения деканата правхоза от 14 мая о назначении наркома юстиции и прокурора республики М. А. Сегаля на должность доцента по кафедре «судабудаўніцтва», но с представлением в Главпрофобр этих университетского

уровня решений на окончательное утверждение [22, л. 101]. Любопытно архивное свидетельство о том, что уже за несколько месяцев до официального присвоения М. А. Сегалю статуса зам. декана он на заседании Правления БГУ, которое вел зам. ректора и партийный университетский лидер Самуил Захарович (Зеликович) Слоним, был утвержден даже в качестве исполняющего обязанности декана правхоза [22, л. 123].

Отсутствие конкретных сведений пока вынуждает только предполагать, что М. А. Сегаль не стремился заниматься учебно-академическими вопросами (да и, видимо, не мог в силу своей основной занятости и отсутствия опыта преподавания и научной практики). Но он был весьма кстати в решении иных злободневных для молодого факультета вопросов. В частности, вопроса об изыскании площадей под учебные занятия. На лето 1927 г. правхоз имел 3 корпуса, в которых училось 600 студентов [23, л. 24]. Однако сами занятия всех двух отделений проходили в здании бывшего Коммерческого училища, ставшего с 1921 г. официальным «Домом № 3 БГУ», в котором занимались еще и 800 студентов педфака и почти 250 слушателей двух курсов (бухгалтеров и вечернего рабочего университета). Здание, рассчитанное на 400 учащихся, вместило почти 1600. Для правхоза были выделены всего 4 аудитории в полуподвальном этаже и одна — на верхнем. Занятия приходилось ежедневно проводить в 5—6 смен! [23, л. 26—27]. Правда, все 6 кабинетов факультета имели свои помещения, но студенты могли пользоваться литературой только вечером, так как днем тут проводились занятия.

Сложно предполагать, каким образом Моисей Абрамович мог вписаться в процесс белорусизации, уже набравший обороты. В декабре 1926 г. ректор В. И. Пичета на втором объединенном заседании предметных комиссий БГУ поставил задачу — «в первую очередь перед доцентами и ассистентами» — с начала нового учебного года всем перейти на белорусский язык и чтения лекций, и ведения семинарских занятий, а также издания учебников [24, л. 2]. Тем не менее через год, 1 декабря 1927 г., на коллегии Наркомпроса БССР в резолюции по докладу ректора Пичеты о работе Правления БГУ был отмечен «недостаточный темп белорусизации» именно на правхозе [25, л. 59]. Поэтому, возможно, М. А. Сегаль, оказавшись в среде, наиболее приближенной к исполнению установок по белорусизации, мог вспомнить недавние свои ощущения на завершившемся в апреле 1927 г. VIII съезде Советов БССР. В докладе правительства И. А. Адамович весьма прозрачно привел пример, «кому не нужна белорусизация»: «ён мае жонку, якая разумее рускую мову, нават французскую ці ангельскую, і дзяцей сваіх яна хоча вучыць рускай ці ангельскай мове. Вось такому грамадзяніну і не патрэбна беларусізацыя...».На этом съезде отчетливо стала звучать негативная оценка тех, кто стремится побыстрее «растацца з Беларусьсю» [26, с. 41, 52]. Острое восприятие этих слов Сегалем станет понятнее чуть ниже.

Не зафиксировано в изученных документах участия Моисея Абрамовича в бурных дискуссиях, которые регулярно проводились юридической секцией Научного общества БГУ под председательством профессора М. О. Гредингера [24, л. 18]. Пока не найдены и свидетельства о преподавателе Сегале. В имеющихся в нашем распоряжении учебных планах по правхозу указанный выше курс по «судабудаўніцтву» за «доцентом Сегелем» не отмечен. С некоторой натяжкой можно назвать проявлением «научно-администраторских» усилий наркома и прокурора его статью в журнале «Советское строительство» с характерным «полемическим» названием «Проект кодекса о браке и семье и “законодатель” Гредингер» [27]. «Суровая критика» проекта профессором БГУ М. О. Гредингером на страницах «Советского строительства» явно зацепила «за живое» и разработчиков, и самого наркома. И им был дан «достойный» ответ, выразившийся в большей степени в полном отторжении профессорских замечаний и предложений. В целом была проведена мысль о том, что «нам с Гредингер, конечно, не по пути!» [27, с. 216, 217].

Еще раз М. А. Сегаль отметился в белорусской печати своим выступлением на VIII Всебелорусском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (5—12 ап-

реля 1927 г.), стенографический отчет о котором был опубликован. После прений по докладу докладчик зачитывал текст Конституции БССР по разделам, но смог осилить лишь первые четыре раздела (А. И. Хацкевич довел до делегатов съезда остальные 9) [26, с. 366—392].

В процессе постижения обстоятельств «вживания» Моисея Абрамовича в университетские заботы было обращено внимание на любопытные строки архивной описи. В ней рядом с фамилией нашего «героя» значатся еще 4 такие же фамилии. Изучение архивных дел позволило «выявить» жену нашего «героя» — Сегаль (Курындину) Людмилу Георгиевну, студентку экономического отделения ФОНа (фактически — правхоза) [28, л. 3]. Ее биография, прописанная вкратце в анкетных графах, оказалась не менее интересной. Прежде чем стать студенткой БГУ, она, русская по национальности и член РСДРП с октября 1917 г., проработала на различных комсомольских и партийных должностях в Москве и даже была «2 года пом. секретаря Оргбюро и затем Политбюро ЦК ВКП» [28, л. 2]. Эта запись подтолкнула обратиться к запискам Бориса Бажанова, личного секретаря Сталина, в которых подробно представлена «технология» и практика работы как раз этого самого «Оргбюро ЦК ВКП». В записках содержится даже подробная характеристика: «Одна из сотрудниц, Люда Курындина, высокая и крупная девица, обладает поразительной и трудно объяснимой памятью...» [29, с. 22—23].

В ходе исследования авторов не покидали взаимосвязанные вопросы: почему чета Сегаль оставила свои «теплые» московские места, почему вдруг устремились из Минска в Казань? Закралось подозрение, что «виновником» смены прописки был молодой муж. Его служба в качестве первого военного прокурора Московского военного округа в период, когда МВО командовал, по словам Льва Троцкого, «бесстрашный маршал революционной войны» Николай Иванович Муралов, открывала перспективы до тех пор, пока командующий опрометчиво не смог разглядеть в Сталине нового «вождя революции». Его смещение (май 1924 г.) [30, с. 557] вскоре же после смерти Ленина определенно вынудило М. А. Сегаля и его жену переждать надвигавшуюся «грозу» в Минске. Спешный отъезд Сегалей из Минска в Казань летом 1928 г. как-то уж точно совпал с новым поворотом в судьбе Н. И. Муралова. Тот после своей речи на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. в защиту «левых уклонистов» был в 1928 г. отправлен в Сибирь рядовым советским чиновником [31]. Почти одновременно, к несчастью для Сегалей, в начале 1928 г. бывший начальник Людмилы Георгиевны по секретариату Политбюро (Бажанов) бежал в Персию и уже летом оказался в Париже. Такая измена человека ближнего окружения для Сталина была громкой оплеухой. Что ощущали Сегали в подобной ситуации, сложно и представить. Вполне вероятно, что их переезд в Казань стал и личной инициативой, и мог быть проинициирован высшим белорусским руководством, которое опасалось быть втянутым в политические разборки на самом верху партийной иерархии.

В течение апреля — мая 1928 г. имя М. А. Сегаля лишь изредка фигурировало на заседаниях СНК БССР. Он зафиксирован в записях протокола № 45 от 30 мая, но протокол № 47 от 13 июня 1928 г. назвал «Ч. в. а. Народнага Камісара Юстыцыі і Пракурора Рэспублікі т. Гохмана» [32, л. 299]. Великая советская страна стояла перед общим «крутым поворотом», определенным решениями XV партсъезда. В БССР после съезда уже шло активное исключение из КП(б)Б десятков высокопоставленных коммунистов за «фракционную работу», за «принадлежность к оппозиции». Характерно, что подавляюще большинство исключенных были по национальности евреи и «бывшие бундовцы». Под это первое акцентированное «очищение» партийных рядов в условиях развертывания борьбы за выполнение первого пятилетнего плана социалистического строительства попали 3 доцента и 6 студентов БГУ [33, с. 287]. Поэтому хорошо информированному о дальнейших перспективах подобных «чисток» прокурору Республики было разумным сменить место работы и проживания. Ведь вряд ли белорусская земля на конец 1920-х гг. могла быть привлекательной в той степени, как это было несколькими годами ранее, когда в Минск многие интеллектуалы и профессионалы устремлялись в

силу элементарной возможности обеспечить свои семьи сносным питанием, бытовыми условиями. С учетом поэтических эмоций, но все же трагично воспринимаются сегодня строки стихотворения В. Маяковского «Они и Мы», проезжавшего зимой 1929 г. на поезде через БССР: «Километров тыщею / на Москву / рвусь я. / Голая, / нищая / бежит / Белоруссия». Возможно, и по этой причине супруги Сегаль решили «рваться» — в Казань.

И все же сложно однозначно дать ответ на вопрос: чем же была обусловлена очевидная спешка семейства Сегаль при оставлении ими Минска? Достоверного ответа нет пока, хотя есть версии. Еще одну из них можно считать вполне аргументированной архивными свидетельствами. Они опять же возвращают нас в проблематику университетской жизни. В фонде Совета народных комиссаров БССР Национального архива Республики Беларусь есть пространный материал о ходе строительства Университетского городка, предназначавшегося исключительно для БГУ [34; 35]. Первое заседание комиссии по разработке заданий по возведению Университетского городка (протокол № 1) состоялось 16 ноября 1925 г. Потом были десятки заседаний этой комиссии, но лишь 16 февраля 1926 г. в газетах был объявлен Всесоюзный конкурс на лучший проект столь значимого и знакового для республики и всего СССР сооружения [36, л. 75]. На 1927/28 хозяйственный год планировалось в основном завершить строительство четырех учебных корпусов и котельной [37, л. 166]. А все 11 корпусов, после долгих обсуждений определенных Госпланом БССР к возведению, должны были быть построены до 1 января 1930 г. [37, л. 159]. Но уже 10 марта 1928 г. Правление БГУ выразило обеспокоенность состоянием сноса частных построек, а также зданий Дома металлистов, Конного парка и др., перспективами расселения семей [37, л. 182, 199].

В подобной ситуации на заседании СНК БССР 6 апреля 1928 г. (председательствовал Н. Н. Голодед) был заслушан вопрос «Аб аслабленьні пляцу пад будаўніцтва Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсітэту». По итогам обсуждения приняли решение создать специальную комиссию под председательством М. А. Сегаля (члены: А. В. Балицкий — нарком просвещения, В. Д. Микулич — нарком финансов, А. О. Сташевский — нарком внутренних дел и Рабинович — представитель Минского окружного исполнительного комитета), которой поручили определить порядок сноса зданий и компенсации домовладельцам. Результаты своей работы комиссия должна была подать на утверждение «распарадчага пасяджэньня Савету Народных Камісараў» [38, л. 213]. Отметим, что на последующих заседаниях СНК в апреле — мае 1928 г. (а таких было 5) М. А. Сегаль присутствовал лишь 30 мая.

«Особая комиссия» на следующий день после создания провела свое первое заседание, на котором докладывал Моисей Абрамович. Он представил проект постановления СНК «О реквизиции частных домовладений и о муниципализированных зданиях и постройках, которые подлежат сносу с площадки для строительства БГУ» [39, л. 39]. В ряду иных архивных свидетельств обращает на себя внимание акцентированная констатация вопиющего факта, что «задержка приступа к работам» возникла из-за того, что к 15 мая 1928 г. не были снесены дома и не очищена территория старого еврейского кладбища. Также констатировалось, что эта задержка вызвала большой общественный резонанс, о невыполнении правительственных решений писали центральные и местные газеты БССР. А нарком просвещения А. В. Балицкий (а ведь он-то — член «комиссии Сегаля»!) был вынужден 25 мая 1928 г. созвать специальное совещание с участием всех заинтересованных сторон и общественных организаций! И причины задержки «были принципиально выявлены»! [40, л. 83, 84].

Между тем котлованы под фундаменты университетских корпусов стали рыть уже 23 мая, а в очередных справках-отчетах бодро рапортовали (уж не с подачи ли М. А. Сегаля?) о том, что из-за несноса зданий работы были задержаны «всего лишь» на 7 дней. Однако, видимо, это была только имитация «приступа к работам», так как не совсем понятно, как все же осуществлялось «выселение» и освобождение площадей под строительство: даже 1 июня управление госфинконтроля Наркомата финансов определило «несвоевременность очистки

площадки для строительства» [40, л. 84]. А заседание Минского окружного исполнительного комитета 7 июня постановило, что «строительный сезон по сооружению Университетского городка сорван...», так как не была своевременно проделана подготовительная работа. Было решено обратиться в СНК с предложением создать госкомиссию для «выявления виновных в срыве этой работы» [40, л. 63]. Правда, эта просьба-предложение была направлена в СНК только 25 июня (?! — авт.). В разгар всех этих «разборок», которые воспринимаются как попытки и скрыть истинное положение дел, и найти «крайнего» на случай «отчета перед Москвой», на заседании СНК БССР 6—7 июня М. А. Сегаль и был освобожден от обязанностей наркома юстиции и прокурора республики. По его просьбе! [32, л. 58]. Кстати, на этом же заседании нарком просвещения А. В. Балицкий вновь докладывал о проблемах строительства Университетского городка [39, л. 58].

Определения прямой виновности председателя правительственой комиссии «по сносу зданий» в неисполнении столь важного поручения и фактическом срыве начала строительства в изученных документах не усматривается. Однако приведенные выше факты, очевидная связь между всеми зафиксированными столь высокими инстанциями вопиющими неисполнениями правительственных поручений и персональной ответственностью М. А. Сегаля позволяют сделать вывод, что нарком и прокурор легко отделался.

Нельзя обойти вниманием и ту общественно-политическую ситуацию, которая для белорусской действительности именно конца 1920-х гг. имела немаловажное значение. К лету 1928 г. даже союзные издания с восторгом подчеркивали тот факт, что в БССР и УССР «уже коренизируются высшие учебные заведения и производится проверка знания местного языка служащими». Для небелорусов, работавших в БССР, это вовсе не могло вызывать положительных эмоций. В то же время в «неславянских» республиках СССР этот процесс только начинался. Так, в Средней Азии, как отмечалось, только «проводятся еще мероприятия по коренизации школ I ступени, по распространению букварей на местных языках» [41, с. 2]. Поэтому и с учетом этого фактора супруги Сегаль могли избрать продолжением своего выживания сначала Среднее Поволжье, а потом, с усилением «Петерсовских чисток», — Ташкент. Ведь в том же Среднеазиатском университете подавляющее большинство преподавателей было из России.

В связи с оставлением Минска четой Сегаль напрашивается еще одна общественно-политическая параллель. В те дни 1928 г. (с 18 мая по 6 июля) в Москве в Доме Союзов слушалось «Дело об экономической контреволюции в Донбассе» — знаменитое «шахтинское дело». Вся Страна Советов и в особенности ее все еще «старая» интеллигенция затаив дыхание следили за ходом судебного процесса по делу «шахтинских вредителей». По «делу» было арестовано несколько сотен «экономических контрреволюционеров», а суд вершило советское правосудие над 53 «вредителями». Союзная и республиканская пресса была заполнена материалами о нем, подаваемыми «массам» под броскими заголовками типа «Дело шахтинских вредителей в центре внимания страны», «Победил рабочий Донбасс!» и т. п. Расстрел пятерых был резонансным и воспитующим. Искушенным в политических «боях за построение нового общества» Сегалям, хорошо информированному Моисею Абрамовичу, безусловно, были очевидны возможные последствия этого суда для всех тех, кто в резко изменяющихся обстоятельствах не вписывался в новую линию партии. Очень легко можно было оказаться в стане «интеллигентов-вредителей», в числе прочего определявших решение политической задачи «искусственным созданием конфликтов добиться недовольства рабочих и настраивать их против советской власти» [42, с. 7]. Ведение же суда хорошо знакомым А. Я. Вышинским и вовсе не оставляло сомнений — в стране Советов начинался новый политический период со всеми возможными последствиями для тех, кто был активен, кто был на виду в прежние короткие годы революционных преобразований. Ситуация апреля 1928 г. в связи с задержкой подготовки площадки под строительство Университетского городка для БГУ как

раз и характеризовалась резким недовольством как жителей сносимых домов, так и возмущением не приступивших к работе строителей.

Поэтому оставление столь высокого кабинета всего лишь «по собственному желанию» было самым лучшим финалом «белорусской карьеры» Моисея Абрамовича. А тем более — моментальный отъезд далеко за пределы той республики Страны Советов, где вовсю набирала обороты кампания выискивания виновных во всех смертных грехах. Вскоре (в конце 1930 г.), обвиненный в принадлежности к «антипартийной группировке Игнатовского — Жилуновича», будет снят со своего поста преемник Сегаля — наркомюст и прокурор Сташевский (кстати, он потом недолгое время возглавлял рафбак БГУ) [43, с. 424]. Пройдет еще несколько лет, и его коллеги по белорусскому правительству и члены возглавляемой им комиссии по подготовке площадки под строительство Университетского городка будут расстреляны по лживым обвинениям. Трагичным будет и жизненный финал тех российских коллег-юристов, с которыми Моисею Абрамовичу наверняка приходилось иметь тесные контакты в годы его наркомовской и прокурорской деятельности.

Глубокое знание (и осознание!) «практико-ориентированных» методов юриспруденции и последствий их применения, видимо, и подвигло белорусского наркома и прокурора к решительным и быстрым переменам мест жизни и работы на огромных просторах советской родины. А это уже рассказ о совершенно ином этапе биографии нашего «героя». Приходится отметить, что именно БГУ стал очевидным «трамплином» для скороспелого доцента в его дальнейшей весьма бурной университетской деятельности.

И если о М. А. Сегале как о преподавателе-правоведе БГУ что либо сказать конкретно пока не представляется возможным, то о М. А. Сегале — ректоре пяти (!) советских вузов путем тщательного изучения различных информационных вариантов удалось выявить достаточно интересные сведения. Однако остается открытым главный вопрос, ответ на который может быть пока в большей степени гипотетическим, хотя есть основания и быть объективным. Речь идет о том, что звание доцента, полученное в БГУ и вряд ли каким-либо образом реализованное в Минске в научно-педагогической практике, Моисей Абрамович весьма продуктивно использовал в своей дальнейшей академической карьере за пределами БССР, уже в скором времени достигнув профессорского уровня. Поэтому был ли этот шаг с самого начала осмысленным именно с точки зрения заполучения старта для перемещения из БССР куда-либо в более спокойное по тем временам место? Или нагнетание страстей в политической атмосфере СССР и БССР подвигло наркома и прокурора к перемене мест? Или все произошло достаточно случайно: просто неисполнение задания по расчистке места под строительство Университетского городка заставило Сегаля вместе с женой спешно покинуть Минск? Как нам кажется, все предположения имеют право на жизнь. Например, стремление достаточно часто менять места работы и проживания в те лихие годы было свойственно многим более или менее заметным людям. В течение всех 1920-х гг. достаточно много, казалось бы, успешных профессоров и доцентов БГУ вдруг покидали его, уезжали на Волгу, Урал и изредка в центральные районы России (на Украину нет примеров!). Характерна в этом отношении ситуация с оставлением БГУ профессором неорганической химии А. П. Иваницкой, которая именно в Белорусском университете и получила столь высокое звание. Она буквально вслед за М. А. Сегалем (в августе 1928 г.) известила Правление БГУ об отказе от работы якобы из-за «тяжести условий в БГУ». Правление было вынуждено констатировать, что Иваницкая, проработав менее года и получив профессорское звание, просто «неэтично оставляет Минск» в поиске очередного карьерного повышения уже в Москве [23, л. 353; 25, л. 28].

Все вопросы о назначении и увольнении с научно-педагогических (и не только) должностей в обязательном порядке рассматривало Правление БГУ. Такой вопрос был вынесен на утверждение и в отношении зам. декана и доцента правхоза М. А. Сегаля. На заседании

Правления 12 июня 1928 г. рассматривались и утверждались многие кадровые вопросы, в том числе и в отношении заявления М. А. Сегаля [25, л. 149]. Заявление уже бывшего высокопоставленного «советского работника», как можно сравнивать с иными подобными, было неординарно воспринято членами Правления. После сухой констатации, что доцент Сегаль освобождается от своих обязанностей по причине «его откомандирования (?! — *авт.*) в Казанский университет», были выражены «искренняя благодарность за работу в БГУ» и пожелание успеха «в организации нового факультета» в Казанском университете.

Принимая в расчет тот факт, что в Казани М. А. Сегаль и прослыл активным создателем тамошнего правхоза, можно быть уверенными в наличии давних контактов прокурора республики с казанской университетской и городской администрациями. То есть все же он целенаправленно готовил почву для своего перемещения из уже очевидно острой атмосферы советской «национальной республики» в более безопасное место. А тем паче, когда новости из Москвы были одна хуже другой. Поэтому становится более понятной и его активность на ниве внедрения в академические и административные должности БГУ, но одновременно очевидно, инертное отношение к обязанностям по основной ответственной работе (тому пример — деятельность в правительственной комиссии по сносу зданий под Университетский городок). Но есть один любопытный нюанс в этой, казалось бы, вполне понятной ситуации. Уже 27 июня Правление БГУ на своем заседании при назначении исполняющим обязанности зам. декана правхоза доцента Н. А. Коноплина (кстати, как и доцент С. М. Гохман, он в недавнем прошлом был сослуживцем и подчиненным Моисея Абрамовича по прокуратуре республики) вдруг определило, что за уехавшим М. А. Сегалем оставили на один год должность доцента по судоустройству и судопроизводству. Более того — по его просьбе предоставили годовой отпуск (осталось только найти свидетельство, что с сохранением оклада! Ведь подобные решения принимались в том случае, когда преподаватели университета направлялись для «научных занятий».— *авт.*). Обо всем этом докладывал декан С. Я. Вольфсон [25, л. 156]. Что это — попытка коллег-интеллектуалов скрыть истинные мотивы отъезда Моисея Абрамовича? Так, на всякий случай, для отвода глаз проницательных органов. Или все же он на самом деле планировал «не сжигать мосты» и в случае неудачи в Казани вернуться в обжитые места, вновь стать доцентом БГУ?

В Казани М. А. Сегаль, видимо, мог наладить близкие отношения с доцентом П. Н. Галанзой, читавшим курс общей теории государства и права на факультете советского права. Это предположение строится на том, что Петр Николаевич в дни приезда Сегалей в Казань, 27 июня 1928 г., был назначен ректором КГУ, тогда как Моисей Абрамович с июня того же года — деканом факультета советского права. Сдал же Галанза свои ректорские полномочия как раз Сегалю: тот стал и. о. ректора с 20 апреля 1929 г. (ректором был утвержден 29 мая). Сам же вдруг отправился в Минск, чтобы в течение 10 лет заведовать кафедрой на правхозе БГУ, а затем созданным на его основе Юридическим институтом [44, с. 94]. Вероятно, что этот «бросок на запад» был сделан не без совета Сегаля. Он мог убедить своего коллегу, что выпускнику Института Красной профессуры нечего бояться в Минске. Тем более, что в 1923–1924 гг. Галанза уже работал рядом со столицей Советской Белоруссии — доцентом в Смоленском госуниверситете.

Короткое ректорство Моисея Абрамовича в КГУ пришлось на два знаковых события. Во-первых, в 1929 г. университет отмечал свое 125-летие (он был основан 5 ноября 1804 г. как Императорский), которое не прошло незамеченным во всесоюзном масштабе, что потребовало соответствующего «преломления» новой, советской яви через призму императорской истории. Сделать это было достаточно еще сложно: имя Ульянова-Ленина на фасаде КГУ не могло автоматически снять проблему «старой» профессуры в его аудиториях. Во-вторых, декабрь 1929 г. востребовал от коллектива университета (как и всей страны) нахождения неординарных средств и приемов, чтобы соответсвующим образом отметить 50-летие Гене-

рального секретаря партии и уже очевидного вождя социалистического строительства в одной отдельно взятой стране. Для ректора это были «моменты истины». Но что-то не задалось. В чем причины очередного спешного оставления М. А. Сегалем высокой должности, теперь уже академической, в феврале 1930 г. — опять же можно только предугадывать. Одной из версий может быть то, что в Казани особой активностью отметилась Центральная комиссия по чистке соваппарата ВСНХ во главе с Я. Х. Петерсом. Так, ее руководитель, регулярно информировавший через прессу о текущих итогах «чисток», весной 1930 г. отчитался, что по Наркомпросу СССР в чистках аппарата принимали участие в целом тысячи рабочих и «сотни учащихся разных учебных заведений». Как итог такого усердия — в «Средне-Волжской области» вычищено 12 % госсотрудников за «искривление классовой линии в работе», за «вредительство», за «волокиту», за «проявление антисоветских действий» и др. [45, с. 6—7]. Подобные обвинения вполне могли быть предъявлены и молодому казанскому ректору. Поэтому перемещение далеко на юг было хорошим решением. Тем более, что сама атмосфера «чисток» была не для слабонервных. Тот же Петерс еще в 1929 г., обратив внимание своих подчиненных на усиление контроля за неэффективным использованием молодых специалистов, провел мысль о том, что «чистка должна <...> иметь колоссальное моральное воздействие на всех остальных» [46, с. 4].

Эта версия вполне налагается на конкретику короткого пребывания Моисея Абрамовича в Казани. Оно было сколь коротким, столь и продуктивным. Для уточнения важнейших обстоятельств его деятельности в ТАССР обратимся к обстоятельствам создания в Казанском университете юридического факультета и празднования 125-летия alma mater многих российских правоведов «дореволюционной закалки».

Еще в конце 1918 г. по решению Наркомпроса в вузах РСФСР были ликвидированы юридические факультеты — за «совершенной устарелостью учебных планов» и «полным несоответствием их как требованиям научной методологии, так и потребности советских учреждений в высококвалифицированных работниках» [47, с. 12]. Весной 1919 г. в КГУ на базе ликвидированных юрфака и истфака был открыт факультет общественных наук. Однако созданное на ФОНе правовое отделение оказалось абсолютно неспособным решать проблемы подготовки юристов. Не выручили и функционировавшие в середине 1920-х гг. Казанские областные юридические курсы [48, с. 97—98]. У руководства воссоздаваемого юридического направления подготовки советских специалистов уже в Казанском государственном университете имени В. И. Ульянова-Ленина летом 1928 г. встал Моисей Сегаль — декан факультета советского строительства и права. В воссоздании юрфака в КГУ принимали участие большое количество известных людей, Наркомюст, правительство республики, множество иных органов. Инициатива же принадлежала наркому юстиции ТАССР Г. Б. Богаутдинову. Будучи поддержанной руководящими органами республик, она была реализована принятием в январе 1926 г. СНК ТАССР постановления об открытии факультета советского права. Самое деятельное участие в его реализации проявил будущий известный советский правовед, а на то время работник НКЮ ТАССР А. Т. Бажанов. На коллегии Наркомюста Татарской республики в марте 1926 г. он отмечал, что такой факультет «чрезвычайно необходим, так как он будет обслуживать не только ТР, но и другие, оторванные от Москвы автономные, областные республики и губернии РСФСР» [48, с. 96—97]. Предложение об открытии юрфака нашло поддержку у наркома юстиции РСФСР Д. И. Курского, хотя его заместитель Н. В. Крыленко высказывался категорически против подготовки юристов в Казани, мотивируя свою позицию недостатком «марксистски подготовленных профессоров-юристов для преподавания». Однако активная поддержка наркома и то, что на юрфаке Казанского университета учился Ленин, позволили преодолеть все преграды, и в сентябре 1926 г. Президиум ВЦИК поддерживает ходатайство властей ТАССР об организации в КГУ факультета советского права и поручает «НКЮсту, НКПросу и отделу нацио-

нальностей ВЦИК рассмотреть вопрос о возможности открытия факультета советского права при КГУ» для «усиления обслуживания национальных республик факультетом Советского права» [48, с. 99].

И наконец, 9 марта 1928 г. СНК ТАССР принял решение об открытии в КГУ с осени 1928 г. правового факультета, а 23 мая 1928 г. Главпрофобр РСФСР поручил КГУ готовить специалистов для Татарской, Башкирской, Чувашской АССР, Марий Эл, Вотской, Уральской, Нижегородской и Вятской областей [48, с. 99–100]. Согласно данным татарских архивов, 11 апреля 1928 г. было проведено решение о назначении М. А. Сегаля деканом нового факультета [49, с. 189]. А он-то, как помним, в это время только что решением СНК БССР был назначен председателем правительственной комиссии по подготовке площадки под строительство Университетского городка в Минске!

В 1928 г. общий отчет Казанского госуниверситета за 1927/28 учебный год содержал и небольшой «Отчет по созданию факультета советского права» [50, с. 22—23]. Его содержание и обстоятельства появления дают основания предполагать, что автором являлся М. А. Сегаль. Интересны некоторые выдержки из этого отчета, указывающие на то, чем конкретно пришлось заниматься бывшему белорусскому наркомюсту и прокурору.

«Вопрос об организации факультета Советского Права получил свое фактическое осуществление со времени приезда в Казань уполномоченного Главпрофобром по организации факультета Декана факультета доц. М. А. Сегаль <...>. Деканат факультета (декан М. А. Сегаль и секретарь А. В. Шишков) начал работу с 23 июня т. г. [1928] <...>. Факультет получил голые стены и надо было оборудовать все помещения, чтобы с начала учебного года можно было начать учебно-ученую работу факультета <...>. Но деканат факультета твердо стоял на той позиции, которая была ему продиктована Главпрофобром (и, конечно же, самим А. Я. Вышинским. — *авт.*) и зная, что факультет Советского Права должен начать свою жизнь не позднее 1-го октября 1928 г. и потому с неослабевающей энергией начал новые хлопоты об увеличении дотации, достаточной, чтоб довести до конца дело организации факультета <...>. Поездка Декана в Москву, имевшая своей целью, с одной стороны, приглашение профессуры, а с другой — хлопоты по увеличению кредитов по организации факультета, увенчалась также успехом — Наркомпрос перевел на организацию факультета 10.500 рублей <...>.

В состав факультета вошли частью профессора, приглашенные из Москвы, частью из числа работающих в ВУЗах Казани. ГУСом утвержден следующий профессорско-преподавательский состав факультета: <...> по судоустройству — М. А. Сегаль, по экономической географии — Н.-Б. З. Векслин, по общей теории права и государства — П. Н. Галанза <...>. Таким образом, преодолев ряд подчас тяжелых препятствий, заставив обстоятельства подчиниться неуклонной воле, Деканат довел дело организации факультета Советского Права до желанного конца, и 1-го октября 1928 г., как и было предписано Главпрофобром, состоялось торжественное открытие факультета» [50, с. 22—23].

В первом преподавательском составе факультета оказались сразу три ректора — действующий (Галанза) и два будущих (Сегаль и Векслин). Финансовые находчивость и настойчивость М. А. Сегаля нашли соответствующее отражение в отчете КГУ за 1927–1928 г.: чего стоит только статья «Случайные поступлен.: фонд ф-та Сов. Права» [50, с. 24]. Важно, что удалось составить учебные планы (об этом свидетельствует любопытная запись, что планы составляли «Векслин, Корбут, Змиев, деканом стал Сегал») [47, с. 21].

В скором времени (19 апреля 1929 г.) Главпрофобр телеграфировал, что «профессор Галанза освобождается от должности, исполнение обязанности ректора поручается Сегалю <...>. Завглавпрофобром Вышинский». И уже 28 апреля доцента М. А. Сегаля утвердили в должности ректора с оставлением его в должности декана факультета советского права [49, с. 209]. Это было время подготовки празднования юбилея университета. Ректорат поручил М. К. Корбуту составление истории КГУ и обратился в Наркомпрос РСФСР с ходатайством, поддер-

жанным органами власти ТАССР, «о разрешении широко отметить юбилей второго по давности открытия университета». В Наркомпросе юбилейную комиссию возглавил руководитель Главпрофобра А. Я. Вышинский. Временем празднования юбилея первоначально был намечен конец февраля 1930 г. — дни фактического открытия университета, но затем торжества были «приноровлены к концу учебного года» и установлены 15—19 мая 1930 г. [51, с. 768]. В декабре 1929 г. М. А. Сегаль как ректор совершил удачную командировку в Москву «по делам, связанным с проведением юбилея университета». Об ее итогах говорят даже названия документов, сопровождавших юбилейные торжества: «1. Протокол совещания Юбилейного Комитета по празднованию 125-летней годовщины Казанского университета, происходившего 24/XII.29 г. под председательством зав. Главпрофобра РСФСР тов. Вышинского. 2. Выписка из протокола № 13 заседания СНК РСФСР <...> об отпуске в связи с юбилеем университета 279 000 руб.» [49, с. 220].

Однако ректор был озабочен не только проведением праздничных мероприятий на соответствующем «статусном» уровне. В конце января 1930 г. руководитель Главпрофобра А. Я. Вышинский «предложил» ректорам вузов «к исполнению» упразднить Правления, деканаты, президиумы отделений и циклов; немедленно перестроить органы управления вузов на основе единоначалия по всей вертикали управленческих органов. Главпрофобр потребовал «обратить максимум внимания на то, чтобы полностью осуществить положение: ректор не только должен быть администратором, но и организатором-общественником в самом широком понимании этого слова» [52, ст. 108]. Все необходимые оргмероприятия Моисей Абрамович успел провести, но вскоре оставил хлопотную Казань. Он сам 16 апреля 1930 г. издал приказ по университету, в котором фактически совершенно прозрачно были названы причины его «отречения» от должности: «§ 1. Согласно Постановления совещания заместителей наркома по просвещению РСФСР директором Казанского государственного университета назначается Зиновьев Г. Е. В связи с <этим> назначением я освобождаюсь от исполнения обязанностей директора Казанского университета. Предлагаю заместителю директора Богаутдинову Г. Б. вступить в исполнение обязанностей директора Казанского университета до прибытия тов. Зиновьева Г. Е.». Но в тот же день (16 апреля) Моисей Абрамович активно поучаствовал в заседании Юбилейного комитета КГУ [49, с. 227— 228].

Получается, что исполнительный и благоразумный Сегаль вовсе не собирался оказаться в окружении опального Зиновьева в стенах Казанского университета ни в качестве декана, ни рядового профессора, и счел наиболее надежным жизненным и карьерным вариантом «немедленно возвратиться в Москву». А Зиновьев в Казань в конце концов так и не приехал [49, с. 227; 48, с. 74].

В завершение этого сюжета отметим, что в вышедшем к 175-летию со дня основания Казанского университета издании в именном указателе и текстах о соответствующем периоде М. А. Сегаль вообще не упоминается [53]. Нет статьи, посвященной ректору Сегалю, и в юбилейном издании о ректорах КГУ [54]. Он не упоминается в списке ректоров на официальном сайте Казанского университета, ныне носящего название «Казанский (Приволжский) федеральный университет». В подготовленной татарскими архивистами справке указано, что после оставления КГУ «дальнейшая судьба М. А. Сегаля неизвестна» [6].

А продолжение его биографии было не менее бурным, чем предшествующие этапы. Май 1930 г. Моисей Абрамович встречал уже в Ташкенте. Он и его жена переместились из Казани в Ташкент точнехонько в дни проведения всесоюзных торжеств по случаю официального открытия к 1 Мая «великой стройки социализма» — Турксиба! К их личным биографиям вполне уместно приложить тогдашний газетный штамп помпезных славословий на завершение строительства неординарной железнодорожной дороги: «по колеям новой советской магистрали хлынула творческая жизнь». Вся Страна Советов ликовала, а поэт Николай Сидоренко разразился непритязательным стишком: «Широкоплечий Май назначен мастером на

новую постройку.../ И из советской маленькой полушки взросли: Донбасс, Азнефть, Тракторострой...» [55, с. 3]. Эйфорию не смогло подпортить даже громкое самоубийство «глашатая революции» В. Маяковского, смерть которого советскому труженику поднесли как пример «революционного горения до остатка». Так что Турксиб в какой-то степени подвиг к перемене мест не только известного впоследствии литературного героя и подпольного миллионера Александра Ивановича Корейко, но и совершенно реальных, политически заангажированных совслужащих — чету Сегаль.

Можно не сомневаться, что переезд в среднеазиатскую республику состоялся через Москву, где М. А. Сегалю следовало получить назначение в Главпрофобре: достаточно продуктивно развивавшийся Первый Среднеазиатский госуниверситет находился под опекой московских и местных властей. Узбекские руководители Акмаль Икрамов (секретарь ЦК КУ) и Файзулла Ходжаев (председатель СНК УзССР) были заинтересованы в том, чтобы университет возглавил не только опытный вузовский работник, но и фигура политическая. И для Моисея Абрамовича САГУ был привлекателен по некоторым обстоятельствам. Прежде всего, он был в целом сформирован по своей структуре и направлениям научной деятельности: уже в 1928 г. действовало 7 факультетов, на которых училось под 4 тыс. студентов. Так что ректорские хлопоты могли ограничиваться лишь поддержанием достигнутого. По крайней мере, изученные материалы не дают фактов сколь-нибудь активной организаторской деятельности М. А. Сегаля в период его кратковременного ректорства в Ташкенте (с мая 1930 г. по март 1931 г.). Немаловажным фактом следует признать то, что новоявленный ректор был удостоен профессорского звания.

С размахом индустриализации, успехами коллективизации и «досрочного выполнения планов 1-й пятилетки» появились надежды на успокоение общей ситуации. И возвращение в Москву после всего лишь десяти месяцев ректорства в САГУ могло быть для Сегалей вполне обдуманным. Ведь в Ташкенте уже скоро стало понятным, что и здесь ситуация стремительно изменяется: как бы то ни было, но и там «коренизация», а тем более в восточной ее форме, набирала темп. Пребывать в такой ситуации на высоком посту секретаря ЦИК УзССР, на который избрали Сегаля-ректора, и вовсе было опасным. Отметим, что после ректора М. А. Сегаля САГУ возглавил Н. М. Муратов, потом Т. Н. Кары-Ниязов. Ко всему в условиях жаркого климата стало подводить здоровье [7]. Поэтому переезд в Москву Моисея Абрамовича следует признать хотя и небезопасным, но вполне адекватным той ситуации, которая развивалась в национальных республиках Советского Союза. Он, уже профессор, в 1931 г. был назначен ректором (по-тогдашнему — директором) Московского государственого педагогического института имени А. С. Бубнова. В этой должности Сегаль сменил уже зарекомендовавшего себя видным советским педагогом М. П. Малышева — бывшего министра просвещения Дальневосточной республики, организатора первых педфаков в СССР [56].

Руководство пединститутом, на удивление, оказалось сравнительно долгим. Но вот завершение и этого этапа в судьбе Моисея Абрамовича вновь заставляет нас говорить об абсолютном «наложении» на нее важнейших общественно-политических кампаний — уже печальной для советской истории второй половины 1930-х гг. Разгромная статья в газете «Правда» с уничижающим названием о недостатках работы института оборвала и эту линию академической карьеры Моисея Абрамовича в августе 1935 г. Смысл и стиль этой статьи некого К. Потапова не оставляет сомнений в скором решении участи ректора. Процитируем всего лишь начало и конец разгромного повествования:

«<...> высшая педагогическая школа должна выпускать грамотных педагогов. Но этого не понимают или не хотят понять Наркомпрос РСФСР и директора педагогических институтов. К величайшему стыду, они выпускают неграмотных учителей. За примерами далеко ходить не надо. Взять хотя бы Московский педагогический институт им. Бубнова. Во всесо-

юзных соревнованиях втузов и вузов он занял первое место среди педагогических институтов. Дважды премирован. 43 выпускника-географа писали контрольный диктант из 280 слов. В нем — 12 простых и 7 сложных предложений. И этот несложный диктант написал без ошибок только один: многие сделали грубейшие ошибки. Из 25 выпускников педагогического факультета ни один не написал диктант без ошибок. Почти половина выпускников допустила 8 и больше, а некоторые — по 17 и 19 ошибок. Рекорд неграмотности побили выпускники физико-математического факультета. Группа физиков писала диктант из передовой «Правды»: «Так заботится о детях только советская власть». Ни один из них не написал без ошибок. 14 человек допустили по семи и больше ошибок. Даже выпускники литературного факультета пишут безграмотно <...>».

«<...> 450 человек выпустил институт, а Наркомпрос со спокойной совестью направил их на работу. С начала учебного года они будут учить детей в школах и готовить учителей в педагогических техникумах. Можно себе представить, какую грамоту они будут насаждать в школах и техникумах!» [57].

И участь ректора Сегаля становилась незавидной. Ведь выпускные экзамены, прошедшие в институте в июне 1935 г., показали удручающие результаты: из 479 проэкзаменованных старшекурсников лишь около 76 % получили установленный диплом с присвоением квалификации учителя. Глубочайшая неграмотность молодых советских «специалистов» попала в орбиту внимания печатного органа ЦК партии. Впрочем, оргвыводы, о которых преподаватели узнали, лишь вернувшись из летних отпусков, последовали значительно раньше. Так, с 7 июля по личному заявлению был освобожден от обязанностей декана факультета языка и литературы и заведующего кафедрой русского языка профессор И. В. Устинов. В данном случае можно говорить, что директор попытался принять превентивные меры. Но такой внутриинститутский вердикт не мог быть принят «наверху». И в конце августа 1935 г. последовало отстранение М. А. Сегаля от должности директора Наркоматом просвещения РСФСР. Правда, приказ получился с почему-то щадящей формулировкой: «ввиду болезненного состояния». Тем более удивительно, что уволенному была объявлена благодарность за «большую плодотворную работу, проведенную в институте» [9, с. 208, 209].

Здесь наши возможности в дальнейшем прочтении биографии нашего «героя» обрывались. Однако благодаря творческим контактам с нашими московскими коллегами-историками удалось оперативно (с помощью переписки по электронной почте) заполучить еще несколько «звеньев» из цепочки жизненных пертурбаций белорусского наркома и прокурора. Профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления доктор исторических наук Эльвира Борисовна Ершова и ее молодые коллеги Александр Лукашин и Александр Веселов не оставили своих поисков по «делу Сегаля». Ими в алфавитном каталоге карточек на всех членов партии и номенклатуру назначений, шедших через Политбюро и Секретариат ЦК, Российского государственного архива политической истории (РГАСПИ) удалось выявить, что в фонде 17-м (ЦК ВКП(б) в описях 71-й (Коллекция документальных материалов об оппозициях) и 114-й (Секретариат ЦК ВКП(б)) хранится несколько дел, в которых упоминается имя М. А. Сегаля. И связано это упоминание с его новым назначением на ректорский пост! Он, оказывается, после освобождения от ректорства в techinstitute до 21 сентября 1936 г. пребывал в качестве персонального пенсионера и вдруг был назначен ректором совершенно уникального института со специфическим названием — Высшего государственного института кинематографии типа отраслевой академии [10, л. 77, 205; 58]. Для этого пришлось отправить в отставку уже тогда признанного теоретика киноискусства и историка кино, впоследствии вновь ректора и профессора ВГИКа Н. А. Лебедева. Обратившись к истории ВГИКа, мы отметили некий символический факт: с момента основания в 1919 г. и до 1938 г. (а это годы активной и столь неординарной деятельности Моисея Абрамовича) «кузница советских кадров кинематогра-

фии» семь раз изменяла и уровень подготовки, который она давала своим выпускникам, и свои весьма диковинные сейчас названия. К сожалению, найти цельную историю ВГИКа не удалось. Поэтому проследить в подробностях всего лишь один год очередного ректорства М. А. Сегаля сложно. Однако о том, что руководить столь специфическим высшим учебным заведением, каким был ВГИК, было не только сложно, но и крайне опасно даже для бывшего прокурора, говорят тексты документов, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства, опубликованные и «выложенные» в интернет.

В апреле 1937 г. зам. начальника ГУКа В. А. Усиевич направил директивное письмо директорам киностудий и управляющим кинոорганизаций национальных республик, в котором грозно указывалось, что «Главным управлением кинематографии еще в марте 1935 г. были даны указания под ответственностью директоров студий просмотреть ряд фильмов на предмет изъятия вредных и контрреволюционных кадров и выпуска старых фильмов на экран только после просмотра и приемки их вновь ГУКом и Главным репертуарным комитетом. Однако, как нам сообщает ГУРК, по сей день все время обнаруживаются в фильмах подлежащие изъятию вредные кадры. Директора студий и руководители национальных кинематографий должны немедля еще раз самым тщательным образом проверить весь свой фонд и в дальнейшем систематически вести эту работу, назначая для ее осуществления особо проверенных и добросовестных работников. За непроявление надлежащей заботы и действенности контроля по очистке фильмового фонда от политически вредных кадров ставлю на вид директорам киностудий “Мосфильм” — т. Бабицкому, “Союздетфильм” — т. Коган, “Украинфильм” — т. Ткачу и директору ВГИК — т. Сегалю...» (ссылка сделана на документ, находящийся в ф. 2456, оп. 4, д. 42, л. 14—15 РГАЛИ. — *авт.*). И ровно через полгода, 26 октября, приказом председателя ВКДИ П. Керженцева Моисея Абрамовича уволили с должности директора ВГИКа [59].

Статья уже была в такой редакции (конечно, пришлось существенно обновить вводную часть в связи с новыми фактами) подготовлена к печати, когда авторы получили от своих московских коллег еще один пакет архивных материалов, которые в определенной части подтвердили высказанные версии и предположения, где-то уточнили и скорректировали факты сложной биографии нашего «героя», а в чем-то коренным образом опровергли гипотетические построения и развеяли «туман» в незакрытом «деле Прокурора»! И в который раз приходится восклицать: в истории, в науке нет альтернативы Его величеству факту!

Из архивохранилища № 1 РГАСПИ, что находится в далекой Йошкар-Оле, нашему московскому коллеге А. Лукашину оперативно был выслан пакет документов по «делу Сегаля», который столь же быстро был передан в Минск с любезной помощью Эльвиры Борисовны Ершовой. В пакете оказалась автобиография нашего «героя», написанная в конце 1930-х гг., личный листок по учету кадров, фотопортрет [7]. Эти документы позволили раскрыть еще одну ошеломляющую страницу биографии Моисея Абрамовича: он в своей удивительной карьере в сфере высшего советского образования каким-то образом умудрился стать в пятый раз ректором — теперь уже Московского юридического института.

Этот институт был одним из нескольких высших учебных заведений Москвы подобного направления подготовки, возникших в начале 1930-х гг. в связи с «реанимацией» подготовки советских юристов именно на юридических факультетах университетов и в юридических институтах. На сайте Мосархива (http://www.mosarchiv.mos.ru/images/Putevoditel-3/obrazovanie.htm#18) содержится информация о восьми московских институтах, действовавших в 1931—1941 гг. Одним из них и был Московский юридический институт, время деятельности которого очерчено всего лишь 1937—1941 гг. М. А. Сегаль фактически предчувствовал скоротечность жизни одного из многих образовательных учреждений советской столицы. А поэтому не только испробовал в который раз свой руководяще-административный талант, но и сумел заблаговременно покинуть ректорское кресло и этого советского вуза.

С известной долей критического прочтения ошеломляюще подробного изложения жизненного пути М. А. Сегаля, исполненного им самим, все же однозначно объективно воспринимаются главные вехи его биографии. А расставленные автором и в автобиографии, и в банальной кадровой анкете акценты еще больше нас упрочили во мнении, что Моисей Абрамович буквально на несколько ходов вперед предчувствовал и предугадывал все возможные опасности, которые его могли настигнуть в «бурном море социалистического строительства». И умело готовил не только пути отступления, но даже дальнейшего продвижения по ступенькам академической карьеры. Эти акценты можно усмотреть в постоянном напоминании возможному сверхвнимательному читателю, что его удивительные перемещения по службе определялись «решениями ЦК ВКП(б) (так, с его слов, он оказался наркомюстом и прокурором БССР, так затем стал ректором в Казани, Ташкенте и Москве). Что он, работая то ли по ветеринарной части, то ли в системе правосудия, то ли в сфере образовательной всегда обязательно являлся членом местных партийных органов городского и районного масштаба и всевозможных «выборных» советских органов.

Вот только особого статуса в научной сфере ректору пяти советских вузов заполучить не удалось: в автобиографии он скромно упомянул о своем членстве в Ученом Совете Института права АН СССР, а также в бюро школьной секции Моссовета. В «Регистрационном бланке члена ВКП(б)» первичной парторганизации Московского юридического института, заполненном лично Моисеем Абрамовичем 13 ноября 1939 г., отвечая на вопрос о наличии научных публикаций, он констатировал лишь, что «напечатаны статьи и доклады о кодексах на сессиях ЦИК и съезде Советов БССР в 1925—1928 гг.». Но это были всего лишь озвученные белорусским наркомюстом и прокурором подготовленные подчиненными ведомств, которые он возглавлял, юридические документы. Он был вынужден не конкретизировать свой ответ и на вопрос «Личного листка по учету кадров» (в том же МЮИ), «имеет ли научные труды и изобретения». Он скромно назвал некие «статьи, очерки, доклады» и не уточнил даже их названий, хотя анкета требовала перечня этих трудов с указанием, «по каким вопросам и где опубликованы». Но вот свое звание профессора М. А. Сегаль постоянно подчеркивает (он его получил в 1929 г. решением ГУС РСФСР).

С помощью архивных документов РГАСПИ наконец-то удалось уточнить и некоторые другие интересные детали биографии нашего «героя». Так, подтвердилось предположение о проблеме, которая досаждала наркомюсту и прокурору БССР, — незнание белорусского языка. В «Личном листке по учету кадров» он явно себе в заслугу вписал как «хорошее» знание «еврейского языка», так и «слабое» — белорусского (из языков «народностей СССР»), тогда как из иностранных языков «хорошо» владел немецким, но «слабо» — французским и английским. То есть за три года нахождения в Минске Моисей Абрамович все же «слабо», но освоил белорусский язык. А вот татарский и узбекский ему оказались не под силу. Краткая запись в анкете о его пребывании за границей подтвердила другие косвенные данные о проблемах со здоровьем, которые, видимо, также побуждали М. А. Сегаля к перемене мест жизни и работы. Любопытно, что за границей он был, в принципе, один раз (не считая факта своего «заграничного» рождения — конечно, по меркам СССР до 1940 г.). Оказывается, он, только-только приехав в БССР и став наркомюстом и прокурором, в августе 1925 г. находился на лечении в Чехословакии, в знаменитом целебными водами Мариенбаде. В последующие годы по состоянию здоровья он был вынужден сменить Ташкент на Москву, потом в Москве год пребывать в качестве персонального пенсионера после потрясшей его статьи в газете «Правда». Недолгое пребывание в качестве директора ВГИКа не прибавило здоровья, так как предусмотрительный Сегаль не смог уберечься в атмосфере 1937 г.: в его примерном послужном партийном багаже оказалась неприятная «пробоина» — «поставлен на вид за приглашение научного работника, оказавшегося впоследствии врагом народа». А в конце 1939 г. он был вынужден уволиться «по собственному желанию» из Юридического института, види-

мо, из-за проблем со здоровьем, отправившись во «Всесоюзную здравницу» — директором управления Пятигорского курорта, находившегося в подчинении наркомздрава СССР.

И еще один штрих к биографии Моисея Абрамовича. Мы, обнаружив в Национальном архиве Республики Беларусь интересные документы о студентке правхоза БГУ Людмиле Курындиной-Сегаль и обозначив ее роль в отъезде неординарной супружеской пары из Минска в Казань, затем потеряли ее «след». И вот находки московских коллег дали возможность подтвердить предположение, что бывшая «пом. секретаря Оргбюро и затем Политбюро ЦК ВКП» и член партии с 1917 г. стала примерной женой столь активного советского чиновника. В анкете для отдела кадров директор МЮИ кратко записал: «Женат и имею 4 детей».

Какими оказались для М. А. Сегаля военные годы, где он находился во время ведения военных действий на знакомом ему еще со времен Гражданской войны Кавказе, были ли иные необычные повороты в его служебной деятельности — на эти вопросы предстоит еще ответить. По информации заведующего архивохранилищем № 1 РГАСПИ И. В. Бондаренко, которая основывается на содержании документов личного дела на члена ВКП(б) Сегаля Моисея Абрамовича, «дело погашено Ставропольским ОК ВКП(б) 21.08.1945. Умер» [7].

Таким образом, проследив перипетии жизни всего лишь одного человека всего лишь в 54 года его жизни, оказалось возможным в той или иной мере детализировать вехи и события политической и повседневной истории императорской России, революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны, выстраивания советской системы юриспруденции во всевозможных ее проявлениях и формах, болезненные поиски основополагающих парадигм советской системы высшего образования. Получилась история-рассказ о «вживании» весьма неординарного человека в постоянно менявшиеся на протяжении его непродолжительной жизни социально-политические реалии. И сложно определить, где он был искренним и убежденным «бойцом революции», а где стремился уберечь себя и свою семью от перманентно уточняющейся партийной линии, захлестывавших всех и вся политических кампаний, трескотни лозунгов, призывов, указаний, предначертаний...

ЛИТЕРАТУРА

1. История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М. : Квадрига, 2010. 720 с.

2. *Хут, Л. Р.* Современное (ые) сообщество (а) российских историков в зеркале саморефлексии (по материалам авторских интервью) / Л. Р. Хут // Электронный научно-образовательный журнал «История». Выпуск 1. Историческая наука в современной России. № 1(1). М., 2010.

3. *Уколова, В. И.* Нужна ли синхронная история? / В. И. Уколова // Электронный научно-образовательный журнал «История». Выпуск 1. Историческая наука в современной России. № 1(1). М., 2010.

4. *Максимова, Л. П.* Alma mater юристов Беларуси: история и современность юридического факультета БГУ / Л. П. Максимова. Минск : Право и экономика, 2001. 171 с.

5. Прокуроры БССР, Республики Беларусь / [Ген. прокуратура Респ. Беларусь] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь: Официальный сайт [Электронный ресурс]. 2006–2012. — Режим доступа: http://prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10935#doc. — Дата доступа: 12.03.2012.

6. *Дмитриева, А.* Казанский университет в биографиях ректоров / А. Димитриева, Н. Шарангина, К. Маликова // Научно-документальный журнал «Гасырларавазы – Эхо веков» / Глав. архив. упр-е при Каб. Министров Респ. Татарстан. 2003. № 1—2.

7. РГАСПИ. Архивохранилище № 1. в Йошкар-Оле. Партийное дело «Сегаль Моисей Абрамович». № 3164—282 (1936).

8. История в лицах / материалы подготовили: Л. Малюкова [и др.] // Юстыцыя Беларусі. 2009. № 2. С. 13–21.

9. *Полозов, Г. П.* Московский государственный педагогический институт — крупнейший педагогический вуз страны. 1930 — июнь 1941 / Г. П. Полозов // Очерки истории Московского педагогиче-

ского государственного университета / редкол.: А. В. Лубков (отв. ред.) [и др.]. М. : Прометей, 2002. С. 174–251.

10. Российский государственный архив политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 71. Д. 49.

11. Положение о прокурорском надзоре: утв. постановлением Всероссийск. центр. исполн. к-та, 28 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

12. История здания Московского окружного военного суда / [Б.а.] // Московский окружной военный суд: Официальный сайт [Электронный ресурс]. 2007—2012. — Режим доступа: http://voensud.ru/about/istor_zdan.php. — Дата доступа: 24.03.2012.

13. *Безнасюк, А. С.* Как это было. Исторический очерк / А. С. Безнасюк, Е. В. Комиссаров // Вестник Мос. окружн. воен. суда [Электронный ресурс]. 2006. № 1. — Режим доступа: http://voensud.ru/about/vestnik/. — Дата доступа: 24. 03. 2012.

14. О принятии к руководству Инструкции военным прокурорам и их помощникам: циркуляр Наркомюста РСФСР, 10 нояб. 1922 г., № 125 // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922—1925 гг.: (Действующих на 15 июля 1926 г.). М. : Юридич. изд-во Наркомюста РСФСР, 1926.

15. Огонек. № 5 (253). 1928. 29 января.

16. Вышинский Андрей Януарьевич (28.11.(10.12).1883 — 22.11.1954) // Ученые Академии (1920-е — 1950-е гг.): Коллекция фотопортретов М. С. Наппельбаума [Электронный ресурс] / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. — Режим доступа: http://www.ras.ru/nappelbaum/a1843c14-e7f7-4247-9cdc-6edc29b26bff.aspx. — Дата доступа: 25. 03. 2012.

17. *Ваксберг, А. И.* Страницы политической биографии / А. И. Ваксберг // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский: сб. / сост. и общ. ред. О. Е. Кутафина. М. : Республика, 1992. С. 3—87.

18. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 12.

19. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2011. 375 с.

20. Працы Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсітэту. 1927. № 13.

21. Беларускі дзяржаўны ўнівэрсытэт. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927.

22. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 222.

23. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 267.

24. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 234.

25. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 273.

26. Восьмы Ўсебеларускі з'езд Саветаў рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў (Стэнаграф. справаздача). Менск: Выданьне ЦВК БССР, 1927. 455 с.

27. *Сегаль, М.* Проект кодекса о браке и семье и «законодатель» Гредингер / М. Сегаль // Советское строительство. 1926, № 10. С. 215–221.

28. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7433.

29. *Бажанов, Б. Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина / Б. Г. Бажанов. СПб. : Всемирное слово, 1992. 145 с.

30. Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. Репинт. изд. М. : Сов. энциклопедия, 1989. 832 с.

31. Николай Муралов / сост. Н. С. Полещук. М. : Моск. рабочий, 1990. 239 с.

32. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 423.

33. Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): Отражение времени в архивных документах / авт.-сост.: Р. П. Платонов [и др.]; под ред. Р. П. Платонова. Минск : БелНИИДАД, 2001. 312 с.

34. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 423.

35. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 297.

36. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1878.

37. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 290.

38. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 423.

39. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 626.

40. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1878.

41. Огонек. 1928. 8 июля. № 28 (276).

42. *Петерс, Я. Х.* Неразрывная цепь преступлений / Я. Х. Петерс // Огонек. № 22. 1928. 27 мая.

43. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 6. Кн. 1. Мінск : БелЭн, 2001.

44. Вестник Московского университета. 1978. № 4.

45. *Петерс, Я. Х.* Рабочий класс проверяет / Я. Х. Петерс // Огонек. 1930. 20 марта. № 8 (360).

46. *Петерс, Я. Х.* Перед советской чисткой... / Я. Х. Петерс // Огонек. 1929. 21 апреля. № 16 (316).

47. *Емельянова, И. А.* Юридические науки в Казанском университете после закрытия в Казанском университете юридического факультета (1919—1927) / И. А. Емельянова // Ученые записки Казанского университета. Т. 132. Казань, 1996. С. 11—21.

48. *Багаутдинов, Ф.* Университет. Юрфак. Бажанов / Флер Багаутдинов; Акад. наук Респ. Татарстан. Казань: Центр инновац. технол., 2007. 259 с. (Серия «Жизнь замечательных юристов»).

49. *Исаков, А. П.* Летопись Казанского государственного университета: история в фактах, подтвержденных документами: в 2 т. / А. П. Исаков. Казань; Лондон: МИАН, 2004—2005. Т. 1: 1804—1945. 2004. 487 с.

50. Краткий отчет по Казанскому государственному университету за 1927—28 учебный год // Ученые записки Казанского гос. ун-та. 1928. Т. 88. Кн. 1. Приложение. С. 20—90.

51. *Корбут, М. К.* Празднование 125-летнего юбилея Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина / М. К. Корбут, З. Н. Блюмштейн // Ученые записки Казанского гос. ун-та. 1930. Т. 90. Кн. 5. С. 768—778.

52. О введении единоначалия в вузах: № 3013/I от 24 янв. 1930 г. // Бюллетень. НКП РСФСР. 1930. № 4.

53. *Аристов, В. В.* Казанский университет, 1804—1979 / В. В. Аристов [и др.]. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1979. 304 с.

54 Ректоры Казанского университета 1804—2004 гг.: очерки жизни и деятельности / сост. и науч. ред. В. С. Королев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. 359 с.

55. Огонек. 1930. 30 апреля. № 12 (364).

56. *Колмакова, М.* Михаил Петрович Малышев / М. Колмакова // Народное образование. 1967. № 10.

57. *Потапов, К.* Безграмотный педагогический институт / К. Потапов // Правда. 1935. 11 августа.

58. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 479, 615.

59. 1937 год в кино // Энциклопедия кино RuData.ru / ОАО «РуДата» [Электронный ресурс]. 2012. — Режим доступа: http://www.rudata.ru/wHYPERLINK «http://www.rudata.ru/wiki/1937_год_в_кино»iHYPERLINK «http://www.rudata.ru/wiki/1937_год_в_кино»ki/1937_год_в_кино. — Дата доступа: 07.05.2012.

РЕЗЮМЕ

На основе значительного архивного материала, впервые вводимого в научный оборот, прослежены основные этапы жизненного пути М. А. Сегаля – наркома юстиции и прокурора БССР в 1925–1928 гг. Отмечен необычайный диапазон его профессиональной деятельности – от военного ветеринара до наркома и прокурора БССР, от зам. декана БГУ до ректора пяти советских вузов. Столь насыщенная биография рассматривается на фоне важнейших политических событий 1920–1930-х гг., многие из которых, как предполагается, непосредственным образом повлияли на судьбу М. А. Сегаля и его жены, бывшей работницы секретариата Политбюро ЦК ВКП (б).

SUMMARY

Based on substantial archive material being included in the scientific context for the first time, basic stages of the life track of Moysey Segal, People´s Commissar for Justice and Public Prosecutor of the BSSR in 1925—1928, are tracked. An unusually wide range of his professional activities is underlined — from a military veterinarian to the People´s Commissar for Justice and Public Prosecutor of the BSSR, from a Deputy Dean of the Belarusian State University to the Rector of fifth Soviet universities. His intensive biography is analyzed in the context of the most important political events of the 1920—1930s, many of which must have directly influenced the life of Segal and his wife, a former employee of the Secretariat of Political Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks.

Статья поступила в редакцию 22 марта 2012 г.